

Пассионарий ядерного нераспространения

Орлов Владимир Андреевич

19 февраля 2023

ДНЯО

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

К 85-летию со дня рождения Г.М. Евстафьева

Генерал-лейтенант Г.М. **Евстафьев** (1938 – 2013) – человек огромной силы духа, глубокой мудрости и высочайшего профессионализма, всего себя, свое здоровье, силы, интеллект посвятил служению Отечеству и укреплению международной безопасности. Сотрудники ПИР-Центра благодарны судьбе за то, что многие годы могли работать вместе с этим выдающимся, масштабным человеком.

1

Геннадий Михайлович был настоящим пассионарием: сохраняя ум «в холоде», он был профессионалом неравнодушным, страстным – во всём, что касалось интересов России, ее безопасности, во всём, что позволяло избежать глобальной катастрофы. На различных должностях Геннадий Михайлович вносил весомый вклад в укрепление режима нераспространения и разоружения.

Вот моя скупая запись после первой встречи с ним. Ему было тогда столько же лет, сколько мне сейчас: пятьдесят четыре. Он был тогда в звании генерал-майора. Г.М. **Евстафьев** так рассказал о себе: «Родился

Совместный российско-американский семинар «Северная Корея и Глобальное партнерство против распространения ОМУ». 13 апреля 2005 г.

в Царском Селе. Окончил Ленинградский государственный университет. Выучил хинди. Работал в советском посольстве в Пакистане и в других странах, а также в секретариате ООН. Участвовал в переговорах по разоружению, в выработке соглашений по правам человека. Свободно владею английским и немецким языками».

Генерал-лейтенант **Евстафьев** принадлежит к тем людям, которые в самый сложный для нашей страны период не только остались преданными своему делу, но и смогли выработать подходы к решению проблем международной безопасности в духе сотрудничества и защиты национальных интересов. С 1986 по 1991 гг. Геннадий Михайлович входил в состав руководства советской

делегации на переговорах по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в Вене, в течение длительного времени работал в системе Службы внешней разведки (СВР), с 2000 по 2003 гг. находился в составе представительства России при НАТО, где занимался вопросами противодействия терроризму и нераспространения ОМУ. После выхода в отставку в 2003 г. – старший советник, затем – старший вице-президент ПИР-Центра. Здесь вопросы контроля над вооружениями и создания новых механизмов безопасности в Европе всегда оставались в сфере его внимания.

2

Г. М. **Евстафьев** сыграл ведущую роль в подготовке открытых докладов СВР «Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения» (1993) и «Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления» (1995), с которыми мы и сегодня сверяем наши знания по этой теме. Выход докладов до сих пор остается образцом аналитической работы специальных служб и их способности вести диалог с обществом. Благодаря работе авторов докладов мир увидел, что Россия будет говорить на языке фактов и выверенных аргументов, и несмотря ни на какие обстоятельства, самостоятельно участвовать в формировании глобальной повестки в сфере нераспространения и разоружения. И что на этом фронте Россия – инициативная, наступательная, уверенная – а не «реактивная», не оправдывающаяся.

О первом из докладов хотел бы сказать особо.

30 лет назад, а именно 28 января 1993 г., в Москве состоялась невероятная пресс-конференция. Ее провел академик Е.М. **Примаков** – тогда директор СВР. Вместе со своими коллегами, генералами В.И. **Трубниковым** и Г.М. **Евстафьевым**, он представил аналитический доклад СВР под названием «Новый вызов после «холодной войны»: распространение оружия массового уничтожения». *Невероятной* пресс-конференция казалась потому, что впервые в истории отечественной разведки был обнародован доклад по такой чувствительной проблематике, как распространение ОМУ, прежде всего ядерного оружия, – доклад, основанный, по словам самого Примакова, не только на анализе открытых материалов, но и «данных, добытых специфическими оперативными методами». Как рассказывал мне впоследствии Г.М. **Евстафьев**, доклад «вызрел долго», а самым сложным было в нем – «не покривить против истины, но так, чтобы не выдать источники». Разработчики чувствовали, что у разведки не хватало тогда специального технического оборудования: «Ну что ж делать... «По одежке протягивай

ножки», – говорил мне тогда Г.М. **Евстафьев**. – Зато у нас есть другие *коньки*. Была, конечно, и политическая сложность: чтобы «на правду» не обиделись некоторые государства, имевшие тесные отношения с Россией. Ну и, наконец, важно было «отделить зерна от плевел: ведь реальной информации по данной тематике вообще-то крайне мало, в основном все – «деза», которой засоряют информационное пространство как невежественные люди, так и очень талантливые, в том числе и из спецслужб, – в собственных политических интересах»[1].

Доклад СВР 1993 г. стал – без преувеличения – эпохальным. Его крутили-вертели специалисты по всему миру («отклики превзошли наши ожидания», – говорил мне потом Геннадий Михайлович). Читали, конечно же, и «между строк»: то, о чем в докладе не говорилось, было не менее значимым, чем то, что было произнесено вслух. Сложно поверить, но и сегодня, в качественно иной геополитической ситуации, «нераспространенческий» доклад СВР изучают в профильных вузах – причем не как «преданья старины глубокой», а как не утративший актуальности и меткости документ.

Столько воды с тех пор
утекло, а ведь набор
«ядерных фигурантов»,
вызвавших тогда
наиболее пристальное
внимание российских
разведчиков, не сильно
изменился.
Перелистывая и сам
доклад, и свои записи
тридцатилетней давности
по результатам общений
с разработчиками
доклада, убеждаюсь в
этом еще раз. В «первом
ряду»: Израиль, Индия
Пакистан –
неофициальные ядерные
государства; к ним
примыкает «сложный
случай» – КНДР.
Следующий ряд: Япония,
Южная Корея, Иран, –
причем в случае с
Ираном СВР
исключительно

Заседание Международного клуба «Триалог» на тему «Современная политика России в области борьбы с терроризмом и противодействия экстремистской деятельности». Слева направо: Г.М. Евстафьев и заместитель секретаря Совета безопасности РФ В.А. Соболев. 13 апреля 2006 г.

элегантно для публичного текста расставила акценты, оспаривая панические оценки американцев и израильтян. Беспокоили тогда российскую разведку и Саудовская Аравия, и Украина – в последнем случае, правда, Г.М. **Евстафьев** делал оговорку, что «в отношении Украины разведку не ведем», но «тревога сохраняется»[2].

«Либо мы в ближайшее время найдем пути повернуть вспять процесс ядерного распространения в военной сфере, либо в перспективе будем считать «пороговые» и «неофициальные ядерные державы» десятками. Вот тогда всем нам покажется *небо с овчинку*. У нас, у мирового сообщества, есть время (правда, мало!) и возможности предотвратить процесс расплзания военных ядерных технологий и технологий двойного применения»[3], – так 30 лет назад Г.М. **Евстафьев** сформулировал в разговоре со мной ключевую задачу возглавляемого им управления СВР.

Конечно, в ту пору у России был свой специфический набор задач, – почему доклад и появился на свет. *Во-первых*, требовалось сохранить, бессрочно продлив, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). *Во-вторых*, надо было сберечь в нем привилегированное место России как ядерного наследника СССР. *В-третьих*, в условиях жесточайшего социально-экономического и внутривнутриполитического кризиса требовалось отбить атаки на Россию со стороны тех сил на Западе, кто, пользуясь ее временной слабостью, обвинял Москву во всех смертных ядерных грехах – от отсутствия должного контроля за ядерными боеприпасами до утечки ракетно-ядерных умов, материалов и технологий двойного применения...

Многое с тех пор удалось. Прежде всего – список *ядерного клуба* минимизирован, «десятками» государства в очереди за ядерной бомбой не толпятся. Продление ДНЯО больше не тревожит: он теперь бессрочный. Тема «ядерных хищений», «ядерных утечек», все эти истории про «красную ртуть», – теперь не тема. Новые возможности космической разведки позволяют лучше «видеть» динамику ядерных полигонов, цехов для сборки ракет... спутниковые снимки теперь анализируют не только в спецслужбах, но и в университетах.

Но еще больше – не удалось. Главный удар «под дых» был нанесен режиму ядерного нераспространения спустя десять лет после выхода доклада СВР, когда США напали на Ирак под надуманным предлогом поиска там «оружия массового уничтожения». Оказалось, что это «оружие массового исчезновения» (на эту тему позднее Г.М. **Евстафьев** грустно иронизировал, когда рецензировал для пировского журнала «Индекс Безопасности» мемуары Джона **Болтона**). Не было на тот момент ОМУ у Ирака. Но американцы так хотели сломать Ирак, что долго над предлогом не мучились, изобрели топорно. Результат – благородное дело борьбы с распространением ОМУ оказалось скомпрометировано. Всерьез и надолго. Впрочем, «политизация распространения ОМУ» тогда только-только начиналась, дальше больше... А ведь это игра с огнём, кто бы ее ни вёл, какие бы предлоги ни использовал! Эта *политизация* темы нераспространения ОМУ, использования ее для задач, ничего общего с предотвращением реального распространения не имеющих, очень тревожила Геннадия Михайловича, когда он работал в ПИР-Центре.

3

Мне посчастливилось быть знакомым с Геннадием Михайловичем в течение двух десятилетий: с 1993 г. и до его безвременной кончины в 2013 г., а на протяжении десяти лет работать с ним рука об руку в ПИР-Центре, когда с государственной службы он перешел в нашу неправительственную научно-исследовательскую организацию.

Что меня поразило тогда в Геннадии Михайловиче – и что не переставало меня поражать и восхищать, – так это его страстность, его переживание по поводу каждой из тех нерешенных проблем, которые мы обсуждали. Полное отсутствие бюрократического равнодушия, скучающего взгляда. Напротив – взгляд профессионала-пассионария, который погружался в глубины нераспространенческих проблем всем своим существом, и совсем не только «по долгу службы». Ему никогда не было «все равно».

Не менее важно и то, что это неравнодушие было основано не на эмоциях, а на знании. «Знание – сила, – говорил мне, в свойственной ему манере, усмехаясь, Геннадий Михайлович, – и это знание у нас есть».

Позволю себе лишь несколько штрихов к портрету Г.М. Евстафьева.

Штрих первый. Июль 1993 г., Москва. Я – на Китай-городе, в Колпачном переулке, где тогда располагалось пресс-бюро СВР. Я – молодой журналист, нахрапистый, как это подразумевали жанр работы и времена. Вижу черную машину у входа в особняк. Черную дверь. Нажимаю черную кнопку. Меня встречает, с шутками-прибаутками, Ю.Г. Кобаладзе, у него в кабинете висит какой-то забавный плакат про «Кобу» и про «грузина». Но мне – в другую комнату. Первое впечатление от Геннадия Михайловича: цепкий взгляд, ироничная, иногда даже на грани ехидства, интонация, в тон ей и взгляд –

ироничный, лукавый. Ах, эта евстафьевская ирония, как ее сегодня не хватает... И при этом: настрой на глубокий разговор. Передо мной – ленинградский интеллектуал в погонах. Не шарлатан, коих я столько насмотрелся в те годы. Передо мной **знаток**.

Штрих второй. Май 1995 г., Нью-Йорк. Г.М. **Евстафьев** принимает участие в работе российской делегации на конференции по рассмотрению и продлению ДНЯО. На следующий день после того, как ДНЯО продлили бессрочно, прошу его о комментарии «под диктофон». Геннадий Михайлович немедленно соглашается. Договорились встретиться в лаунже для делегатов, где с террасы открывается хороший вид на Ист-Ривер. И вот я у «проходной» ООН... а меня не пускают: оказывается, срок действия моего пропуска истёк. Неловко: генерал ждёт меня по другую сторону. Но неловкость рассасывается стремительно: вот в проходной появляется Геннадий Михайлович, вот делает какое-то незаметное движение охранникам; они его узнают (ну конечно, он же немало проработал в секретариате ООН, в том числе и с генсексом); улыбаются ему; и машут мне: мол, проходи, раз *такой человек* за тобой пришёл. И, хотя это далеко не Колпачный переулок, а Первая авеню Манхэттена, у меня возникает очень домашнее ощущение. Передо мной – **авторитет**, перед которым распахиваются многие двери, и не только в пределах России.

Штрих третий. Март 2003 г., Брюссель. Геннадий Михайлович тогда работал в Бельгии. В мой приезд нам много что с ним пришлось обсудить: американцы начали войну в Ираке. Но первым делом он спросил меня, знаю ли я, где находится в Брюсселе бюст Петра Первого, который жил здесь в 1717 г. Я честно признался, что не имею ни малейшего представления о том, что в Брюсселе есть памятник Петру. **Евстафьев** тут же усаживает меня в машину. Ехать недалеко. Мы в Городском парке, рядом с Дворцовой площадью. Среди деревьев, у оврага, – вот он бюст Петру Первому работы выдающегося немецкого скульптора Христиана Даниэля Рауха, подаренный городу князем Анатолием Демидовым. В 1994 г., рассказывает Геннадий Михайлович, бюст украли; но спустя три года нашли и вернули на прежнее место. Геннадий Михайлович рассказывает ярко, сочно, – он незабываемый **собеседник**.

Штрих четвертый. 2005 г., Женева. Теперь мы работаем вместе, в ПИР-Центре, но так получилось, что я в этот год – из Женевы (где у меня есть и другая работа, в Женевском центре политики безопасности), а Геннадий Михайлович – из Москвы. Но вот – его командировка в Женеву, долгожданная встреча, ужин в ресторане *Spices* при отеле *President Wilson* с видом на набережную, добротная бутылка швейцарского красного вина из Граубюндена... нестандартный выбор, но оправдавший себя. Наш ужин изрядно затягивается. Геннадий Михайлович в этот вечер – чуть ли не впервые, что мы знакомы – настроен поговорить обо всей палитре ядерно-нераспространенческих проблем, с глубокими экскурсами в историю, с «путешествиями» по странам и континентам. Не место и не время воспроизводить наш разговор. Но об одном упомяну непременно: будто личную драму, он, в красках, переживал, что не удалось предотвратить появления ядерного оружия в Пакистане. В 1970-е гг. он служил в советском посольстве в Исламабаде. И он был убежден, что СССР и США были способны договориться о том, чтобы Пакистан не стал ядерной державой. Вроде бы, и СССР, и США должны были быть в этом одинаково заинтересованы. «Но нет. Москва, Вашингтон (и Пекин) повели себя будто лебедь, рак и щука. И вот, – гонка ядерных вооружений в Южной Азии. Абдул Кадыр Хан с его распространением

Памятник Петру Первому в Брюсселе

ядерных технологий. Да что там... доступ к пакистанскому ядерному оружию интересен для самых опасных и мощных террористов мира...». Вот он, **Евстафьев–пассионарий**. Нет, чего-чего, а равнодушия в нем не было никогда. Был взрывной даже, когда очень переживал. А переживал часто.

Штрих пятый. 2012 г., Москва. Геннадий Михайлович тяжело, третий год, болеет. На больничной койке. Несмотря на мучительную боль, всё читает, за всем следит. Больше того – стремится помочь. «Володя, у меня тут сосед по палате... я с ним договорюсь, чтобы труды ПИР-Центра выходили не только на русском и английском языках, но и на китайском. ПИР-Центр должен двигаться в сторону Китая, китайской экспертной аудитории. Может быть, сегодня для этого есть еще не все предпосылки... но вот увидишь, совсем скоро это станет насущной необходимостью». **Прозорливый, заботливый.**

4

Укрепление режима нераспространения ОМУ, механизмов разоружения являлись для Г.М. **Евстафьева** не политическими лозунгами, а предметом глубокого анализа с целью найти оптимальные, сбалансированные решения. В период, когда об избавлении мира от оружия массового уничтожения почти перестали думать, в программной статье «Разоружение возвращается» (Индекс Безопасности, 2007, №2) Г.М. **Евстафьев** не просто заявил об острой актуальности этой проблемы, он обозначил линии, по которым сегодня выстраивается дискуссия. «Главная ошибка людей состоит в том, что бед сегодняшних они боятся больше, чем бед завтрашних», – процитировал классика Геннадий Михайлович и подчеркнул, – это означает только одно: надо учиться упреждать последствия появления новых опасных военных технологий и классов оружия путем своевременных политических и юридических шагов»[4].

Именно этим он и занимался в ПИР-Центре. В 2005 г. вышла подготовленная генералом **Евстафьевым** (в соавторстве) монография «Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития» – первая работа, которая обозначила важность этой проблемы для России.

Десятки публикаций, сотни интервью и комментариев для СМИ – он до последнего не мог не работать.

5

Г.М. **Евстафьева** всегда будут помнить сотни учеников – молодых дипломатов, офицеров, ученых – те, для кого он стал наставником на службе или во время научных стажировок, те, кто прислушивались к каждому его слову на Летней Школе и других образовательных курсах.

Фотогалерея Г.М. Евстафьева на сайте ПИР-Центра

Чего ждали и что получали от старшего коллеги молодые ученые? В ходе разговора, так, между прочим, он говорил: «А ты обрати внимание на такой вопрос... не посмотреть ли здесь... или почитать вот эту книгу...», – и появлялась новая мысль, мы начинали видеть точечную проблему в широком историческом и политическом контексте – на глазах студент превращался в специалиста. Выпускник Восточного факультета Ленинградского университета Г.М. **Евстафьев** прошел колоссальную школу жизни, он нес лучшие традиции анализа источников и глубокого осмысления региональных и глобальных процессов и передавал эти традиции, дисциплину ума, своим ученикам – за это мы всегда будем ему благодарны.

Вот как говорит об этом А.Ф. **Зульхарнеев**, ныне член Экспертного совета ПИР-Центра и его директор с 2015 по 2019 гг.: «Едва ли может быть что-то более ценное для молодого специалиста, чем встретить в начале своего профессионального пути такого человека, как Г.М. **Евстафьев**. Я благодарен судьбе за то, что такая возможность была у меня и моих коллег по ПИР-Центру. У каждого в памяти осталось что-то свое – книги, рекомендованные Геннадием Михайловичем, вопросы, на которые он предлагал обратить внимание, одна из историй, о которой он мог рассказать – о работе в Пакистане, встрече с Хонеккером или американским миллиардере, всерьез интересовавшемся, за сколько можно выкупить российской ядерное оружие. Главное – пример глубокого и емкого анализа, конкретного и в широком историческом контексте – уроки мышления и профессионализма.

Жалею ли я о чем-то? Конечно – о том, что не успел спросить и не был готов обсудить. Геннадий Михайлович не пропустил почти ни одной защиты стажера, к таким научным средам он готовился не менее тщательно, чем к встречам с именитыми учеными и политиками. Лариса Васильевна, супруга Геннадия Михайловича, передала нам деревянный поднос – вокруг него Геннадий Михайлович хотел собирать нас у себя дома и обсуждать с нами насущные мировые вопросы. Мы храним поднос, постараясь сохранить и эту добрую традицию».

Всегда помню, что, говоря о главных достижениях в предотвращении ядерного распространения, Геннадий Михайлович в последние годы жизни называл «человеческий фактор» и образование, втягивание в эти вопросы молодежи: внимание, которое начало уделяться проблеме нераспространения, говорил он, «позволило создать целую плеяду специалистов, занимающихся вопросами нераспространения ядерного оружия, развития ядерных программ, физической безопасности ядерных объектов. Сотни людей, получивших соответствующее образование, занимаются анализом происходящих событий, выявлением тенденций, генерируют идеи». Но он скромно умалчивал, что в этом процессе – его огромная заслуга.

Специфика службы не позволяла генерал-лейтенанту **Евстафьеву** изложить для широкой аудитории всего того, что у него *наболело*. Но том «Избранного», который вы сейчас держите в руках, удивит и студента, только начинающего свой путь, и маститого эксперта – своей глубиной, откровенностью и прозорливостью. Вы услышите неравнодушный голос истинного профессионала.

Примечания

[1] Беседа с Г.М. Евстафьевым. Июль 1993. Личный архив В.А. Орлова.

[2] В докладе ПИР-Центра «Новая ядерная девятка? Оценка угроз ядерного оружия в мире» (М.: ПИР-Пресс, 2023; 2-е издание, исправленное и дополненное) приводится вот такой список стран и территорий, обладающих потенциалом создания ядерного оружия в среднесрочной перспективе (в порядке убывания этого риска): Иран, Япония, Южная Корея, Тайвань, Украина, Египет, Саудовская Аравия, Турция, Бразилия.

[3] Девять вопросов о ядерном нераспространении // Ядерный Контроль. 1995, №1. С. 14.

[4] *Евстафьев Г.М.* Разоружение возвращается // Индекс Безопасности. 2007, №2. С. 53.

Ключевые слова: ДНЯО; Ядерное оружие

NPR/NPT

[НАЗАД К СПИСКУ](#)

ГЛАВНОЕ МЕНЮ

[О ПИР-Центре](#)

[NONPROLIFERATION.WORLD](#)

[Научные проекты](#)

[Образование](#)

СВЯЖИТЕСЬ С НАМИ

 +7 (495) 987-19-15

 inform@pircenter.org

 119019, Россия, Москва, а/я 147

Наши издания

[Для СМИ](#)

[Поддержать ПИР-Центр](#)

 [Рассылка](#)

[Статус СОНКО с 2020 г.](#)

ПИР-Центр является ведущей в России неправительственной организацией, специализирующейся на вопросах ядерного нераспространения, контроля над вооружениями и глобальной безопасности. Имеет консультативный статус при ЭКОСОС с 2010 г.

